

Поскольку сквозная мысль всех моих писаний в этой рубрике — идущее в сегодняшней словесности и мысли размывание устоявшихся жанровых форм и проблематизация привычных жанровых границ (а также то, ради чего это делается), из августовских чтений первым приходят на ум главы из романа Дмитрия Бавильского «Красная точка», опубликованные в восьмом номере «Нового мира» — о взрослении в позднесоветские и сразу-постсоветские годы. Понятно, что для полноценного суждения правильнее всего иметь роман перед глазами в целом (тем более что, насколько мне известно из тайных источников, сама «Красная точка» — только первая часть трилогии), но многое уже видно.

Автор, не раз высказывавшийся в разных форматах об исчерпанности вымысла вообще и традиционного (а уж тем более — так называемого реалистического) романа в частности, уместил в оболочку вполне традиционно на первый взгляд организованного текста штучную смысловую работу. Читатель, пытающийся уловить её суть каким-нибудь из традиционных сачков, — промахнётся. Этот текст — не то, на что он похож. Это не роман воспитания (с сопутству-

ющим этому процессу преодолением прежних состояний в пользу новых, предположительно более совершенных). Это не критика советского опыта и уж тем более не ностальгия по нему (между автором и советским опытом, из которого сделаны люди его поколения, — жёсткая дистанция наблюдателя, без отталкиваний и очарований). Это и не совсем антропология советского человека (хотя такое определение, кажется, уже ближе). Это не история личных смыслов, не автобиография (хотя автор, без сомнения, пользовался автобиографическим материалом — в том числе и в собственных, внутренних целях самопрояснения).

Текст реалистичен дальше некуда, почти без метафор, чистая хроника: сухая, скупая, имеющая единственной своей задачей достижение максимально возможной точности. При чтении мне не раз приходило на ум словечко «post(non)fiction»: в общем-то ведь автор ничего не выдумывает, разве что реальность показывает чуть смещённой: немного другие имена, немного не те факты... Текст пользуется в своих целях ресурсами вымысла и невымысла одновременно.

Штука в том, что созданный Бавильский из явно автобиографического материала главный герой, Вася Бочков — «человек без свойств». Он — несмотря на то что вписан во множество конкретных координат: времени (поздние семидесятые — ранние восьмидесятые), места (большой индустриальный город, областной центр — притом с подробной топографией реального челябинского пространства), семьи, соседей, школы, личных пристрастий, вещной среды... — точнее, благодаря всему этому, — задуман абсолютно прозрачным: как средство наблюдения. Дело здесь не в нём. Ни в ком вообще.

При этом ни Вася, ни другие персонажи — не типы, не обобщения. Каждый из них — именно что частный случай.

Все частные координаты работают здесь как средства наблюдения над главным предметом интереса автора: над взаимоотношениями человека и времени (собственно, сюжет тут один-единственный: взросление человека во время, в свои заданные историей обстоятельства). Шире: над тем, как общечеловеческие структуры того самого взросления-воспитания проецируются на доставшийся герою волею судеб исторический материал; ещё шире — над взаимоотношением общечеловеческого и частно-случайного, над тем, как два этих начала формируют друг друга. Весь конкретно-исторический материал, всё обилие тщательно собранных памятью и наблюдением внешних подробностей — средство проникнуть авторским и читательским вниманием на внутреннюю сторону происходящего, туда, куда крепятся узелки всех нитей, образующих внешний узор. Из предшественников автора в первую очередь приходит на ум Пруст — работавший на совсем ином материале, но делавший нечто очень родственное: исследовавший микроструктуры существования во взаимодействии с его макроструктурами (взрослением, привязанностями, дружбой, любовью, смертью, историей).

«Вася смотрит в пыльное окно трамвая, идущего возле татаро-башкирской библиотеки к стадиону «Локомотив»; видит себя со стороны — все эти чужие, законсервированные интонации “взрослого отношения” к жизни: немного усталого, немного циничного, всепонимающего. С налетом легкой иронии. У него со страстью всегда так — стоит войти в клинч, и сознание будто раздваивается на себя и себя, приподымается на подмышках над реальным телом и наблю-

дает за собственными реакциями, включая дополнительный глаз.

Значит ли это, что сейчас, в третьем трамвае (среди редких людей, которым он точно не видим), его плавит и буравит медленная страсть? Значит ли это, что страсть — это когда тебя так много, что ты перестаешь вмещаться в тулово, отведенное тебе для обыденного существования. Вот и раздваиваешься, точно выплескиваешься за границы тела, вырываешься из грудной клетки вовне».

Это — роман исследовательский, антропологический, требующий от читателя не традиционных сопереживания и воображения вплоть до отождествления с персонажами (этого как раз точно не требуется; сам автор отчуждён до рассудочности), но — что гораздо труднее и неочевиднее — аналитичного понимания.

Ольга Балла

Творческое мышление Дмитрия Бавильского — это глубина и еще раз глубина, сложность и тонкость, пристальность и чуткость. Его тексты — драматическое и виртуозное воплощение методологических, смыслопорождающих, речевых задач, «когда, — как говорит он сам, — метаморфоза идёт постоянно, не прерываясь, делая каждый абзац значимым и одновременно проходным, открывающим новую степень близости к горизонту... Важно создать читателю среду обитания, которой он может распоряжаться по своему усмотрению» (из интервью Ольге Балла — Textura.ru, 12 апреля 2018). В романе «Красная точка», признается автор в том же интервью, «я поставил себе и решал максимальное число новых технических задач практически на всех текстовых уровнях.

Например, мне было интересно придумать эквивалент прустовскому «В поисках утраченного времени», но не подражательно, а методологически — чтобы разработать, как это я для себя называю, «структуру бесконечного текста».

Для меня, человека социологизированного, грубого и нечуткого, вся эта глубина пропадает втуне, а «Красная точка» встает в ряд тех романов, которые повествуют о подростках и молодежи позднесоветских поколений и о том идейно-моральном багаже (точнее, его отсутствии), с каким они пришли к историческому перелому конца 80-х и новой реальности 90-х.

В опубликованных главах действие начинается весной 83-го года, во времена одурелой андроповщины (куда мы сегодня опять вкатились). Облавы в кинотеатрах, шпиономания, военный психоз. «Контроль при Андропове ужесточился не только в быту, но и в идеологической сфере. В школе, на уроках истории и политинформациях постоянно тыкали в лицо какой-то там контрпропагандой, требовавшей действенности и сплоченности».

Подростки-восьмиклассники, лишенные и убеждений, и авторитетных учителей, и доверительных отношений с родителями, пытаются самостоятельно понять, что такое они сами и что вокруг них происходит. Главный герой Вася гораздо позже сможет сформулировать: «ощущение бесконечного тупика и беспросветной баньки с пауками, из которой нет ни входа ни выхода...» Да, читатель понимает, что формулировка возникла тогда, когда Вася уже прочитал «Бесконечный тупик» Галковского и «Generation П» Пелевина. А тогда, в 83-м, подростки только учатся говорить своими словами (школа вбивала в них только бессмысленную трескотню): одноклассникам Васе и Марусе первая попытка говорения выпадает во время путешествия — на

троллейбусе, с пересадками, с одного конца Чердачинска на другой. «Васю вдруг осеняет: А ведь это последнее лето нашего детства. Старшие классы — это уже и не детство вовсе...»

В детях начала 80-х уже недостаточно страха, а бесконечные «нельзя» от взрослых лишены морального содержания — по сути, подростки полностью предоставлены самим себе и на ощупь стараются найти то, что им надо. А что надо, они не знают. Что-то они находят в Диккенсе, что-то в журнале «Америка», что-то во хмелю и сексе, что-то в мистике... «Русские демоны долго дремлют и еще дольше запрягают, но однажды, прорвавшись наружу и сломав шаблон, внутрь не загоняются».

Действие опубликованных глав сконцентрировано в начале и конце 80-х годов, хотя доведено до 1999-го.

Роман выстроен короткими главами, названия которых складываются в горько-саркастическое стихотворение в прозе, посвященное той эпохе, в которую угодили дети: «Первое следствие дурацкого дела. — Русские народные сказки. — Идеологическая диверсия. — Диссида зеленая. — Расклад и разлад. — Памяти Герцена. — Выезд из коробки. — Поворот на Свердловский проспект. — Долгая дорога в дюнах. — Разговоры ни о чем. — Зита и Гита спешат на помощь. — Слепая ласточка. — Хромая судьба...»

Слепая ласточка Васиной души вынуждена определяться в политической реальности — например, в президентских выборах 1996 года: «во втором туре, требовавшем голосовать не головой, но сердцем, пошли уже такие откровенные непотребства, что Вася, раз и навсегда, запретил себе участие в подобном унижительном обмане».

Жизненное кредо, к которому приходит герой в опубликованных главах, состоит в том, что «если спа-

сение есть, то оно персонально». Моей «мистической чуткости» (скажу словами Васи из последнего лета его детства) не хватает, чтобы это понять.

Елена Иваницкая

Герои этого повествования — дети, но содержание этих глав отнюдь не детское — речь о «набухании времени» перед тем рывком, который СССР, а потом Россия сделали в 80–90-х годах; в романе Бавильского самые первые признаки надвигающей смены эпох даются в восприятии — всегда обостренно-чутком — подростка. От автора: «Истоки нынешнего безвременья находятся именно там, в историческом периоде, который так и не торопится закончиться вместе с обрушением СССР. И для того, чтобы понять, что с нами происходит сегодня, следует вновь оказаться в советском «тогда», чем «Красная точка» и занимается, имитируя работу машины времени».

Сергей Костырко

Однажды Кирилл Кобрин предположил, что склонность нынешней российской литературы к стилистике литературы XIX века оттого, что все хотят писать как бы на том языке потому, что он кажется лучше. Да, стараются писать в каких-то тогдашних вариантах, это по умолчанию нормативное письмо, но как этим языком описывать хронологически иную реальность, нынешнюю? Или же язык только с виду тот, а на деле совершенно другой, по крайней мере — у некоторых авторов?

На <https://postnonfiction.org> было опубликовано начало романа Д. Бавильского. Там, вроде, примерно

то же, что положено в рамках действия «того языка», но письмо выглядит уже не нарративно. Что ли за счет какого-то баланса стиля и событий (точнее — нарушения баланса в пользу стиля) возникает предъявление другой стилистики. Автору как-то удалось сделать социальную физиологию не отчужденной, внешней для текста, а превратить ее в письмо. Там устойчивая стилистика, сходящаяся просто в какой-то химический элемент советского, все эти школьные физкультурные раздевалки с запахом драных кед и пота; сырая, выпачканная в мелу тряпка у доски; домашний уют с кашей, заворачиваемой в одеяло, а за окнами снег идет; желтый электрический свет. Все как обычно, но там этого столько, что оно начинает ощущать себя главным, делаться им. Это нехорошее ощущение — впрочем, это моя сторонняя позиция (моя школа была в несколько другой стране, ну — республике).

Но это неважно, главное — стилистика начинает выглядеть результатом прозы. Не так, что она решает такие-сякие задачи текста, но сам текст уже для того и текст, чтобы ее произвести. Но и — тут же — наоборот, появляется какая-то управляющая стилистика, которая затем оформит текст окончательно. Внутри текста что-то происходит — всякое разное — но управляет им собранная стилистика.

Можно даже сказать, что она работает Роком для всех, кто находится внутри текста (ну, она же тут определяет, что и в каких словах с кем будет). Но, мало того, она, пожалуй, определяет текст как некий объект. С того момента как фигура этой стилистики сгустилась — текст состоялся. Можно читать его дальше, можно и не читать — все и так в порядке. Он не для сообщения всех своих историй, а для того, чтобы произвести некую конструкцию. Как только она про-

изведена, стилистическое управление текстом тоже уходит в сторону, остается ровно производство объекта. И это ж получаются просто тексты неведомого назначения, которые возникают себе, ну и хорошо.

Похоже, что сейчас снова такое время, когда начинают появляться тексты, которые... неведь что. Не то что с никакой прагматикой для предполагаемого читателя, а еще и с сомнительным авторским целеполаганием. Раньше — дело известное: Монтень, *Finnegans Wake*, Стерн. Но вот же, и теперь такое пишется. Делаются объекты, чтобы обнаружить место где что-то может/должно быть. Вот пишутся и все. И даже написаны не для чтения, а чтобы были; главное, что возникли.

Андрей Левкин

Главы из романа Дмитрия Бавильского «Красная точка» посвящены последнему периоду советской жизни, причем на периферии. Сам по себе выбранный автором временной отрезок не позволяет автору претендовать на оригинальность. Но его творческий интерес сфокусирован совсем не на тех стереотипах, которые облегчают работу многих братьев по перу. Изображая закат советской империи, писатели заученно упоминают тотальный дефицит, повсеместное пьянство, все-силые органы, разрушение идеалов. У Бавильского всё выглядит не так уныло, наверное, потому, что его герои — наивные школьники, их родители — в основном интеллигенты, а сюжетные акценты поставлены не на нехватке благ, но, наоборот, на их приобретении! Подростки собирают марки, благоговеют перед жевательной резинкой, не говоря об импортных дисках, интересуются литературной фантастикой, а стар-

шее поколение добивается переезда в совсем неплохие новые квартиры. Я не знаю, чем заканчивается роман Бавильского, но точно выписанная им провинциальная «ярмарка тщеславия» как-то очень мелка, скучна и, пожалуй, больше, чем политические пертурбации в столицах, позволяет понять духовную неподготовленность к наступающему облому и страны в целом, и особенно глубинки...

Яков Шаус

Дмитрий
Бавильский

Дмитрий
Бавильский

КРАСНАЯ ТОЧКА

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б13

Художественное оформление серии
Юлии Девятовой

Бавильский, Дмитрий.
Б13 Красная точка / Дмитрий Бавильский. — Москва :
Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-113725-0

Действие романа разворачивается весной 1983 года, во времена, сильно напоминающие наши... Облавы в кинотеатрах, шпиономания, военный психоз.

«Контроль при Андропове ужесточился не только в быту, но и в идеологической сфере. В школе, на уроках истории и политинформациях, постоянно тыкали в лицо какой-то там контрпропагандой, требовавшей действительности и сплоченности».

Подростки-восьмиклассники, лишенные и убеждений, и авторитетных учителей, и доверительных отношений с родителями, пытаются самостоятельно понять, что такое они сами и что вокруг них происходит...

Дмитрий Бавильский — русский писатель, литературовед, литературный и музыкальный критик, журналист. Один из самых интересных и еще не разгаданных, жанрово многообразных современных прозаиков. Работает на стыке серьезной литературы и беллетристики, его романы динамичны и увлекательны. Сюжетное повествование часто соединяется с эссеистикой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113725-0

© Бавильский Д., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПОКА ВСЕ ДОМА
